

Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата

И. А. Гусейнова¹, К. Ю. Решетников²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ginnap@mail.ru

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, cyrilreshe@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в описании содержательных аспектов понятийного аппарата триады «тотальная война – информационная война – когнитивная война» с учетом экстралингвистических обстоятельств. При изучении феномена когнитивной войны применяется комплексная методика, включающая элементы дискурс- и контент-анализа, а также интерпретационный и лексико-семантический методы. В заключение говорится о необходимости дальнейшего исследования когнитивной войны, направленной на оказание воздействия на сознание массового реципиента с целью изменения не только его социального поведения, но и ценностных ориентаций и мировоззрения.

Ключевые слова: тотальная война, информационная война, когнитивная война, цивилизационный подход, межкультурный подход, идеологический компонент, амбисемия

Для цитирования: Гусейнова И. А., Решетников К. Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 37–45.

Original article

Cognitive Warfare: on the Issue of Developing a Terminological Apparatus

Innara A. Guseynova¹, Kirill Yu. Reshetnikov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ginnap@mail.ru

²Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Moscow, Russia
cyrilreshe@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to describe the substantive aspects of the conceptual apparatus of the triad «total war – information war – cognitive war» taking into account extralinguistic circumstances. A comprehensive methodology is used by studying the phenomenon of cognitive warfare including elements of discourse and content analysis, as well as interpretative and lexico-semantic methods. It is concluded that there is a need for further research of cognitive warfare aimed at influencing the consciousness of a mass recipient in order to change not only his social behavior, but also value orientations and worldview.

Keywords: total warfare, information warfare, cognitive warfare, civilizational approach, intercivilizational approach, ideological component, ambisemia

For citation: Guseynova, I.A., Reshetnikov, K.Yu. (2024). Cognitive warfare: on the issue of developing a terminological apparatus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 37–45. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования определяется тем, что сегодня наряду с термином СВО в качестве синонимов используются такие обозначения, как *война*, *военные действия*, *военная операция* и другие. Целесообразно отметить и другой не менее значимый синонимический ряд, который сегодня получил распространение не только в профессиональном дискурсе военных и политических деятелей, но и в публичном пространстве, а именно в традиционных и новых СМИ. К их числу относятся соответственно печатные издания и публикации, размещаемые в телекоммуникационной сети Интернет. Речь идет о терминах «тотальная война» – «информационная война» – «когнитивная война». Цель и исследовательские задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы систематизировать указанные термины и в некотором смысле их упорядочить. Это невозможно осуществить без опоры на труды российских исследователей, которые уделяют пристальное внимание как термину когнитивная война, так и понятию СВО. Новизна проводимого нами исследования заключается в выявлении способов объективации феномена когнитивной войны в иноязычных СМИ на материале немецкого языка, в установлении специфики использования идеологического компонента для формирования общественного мнения и отношения к СВО в немецкоязычном социуме, а также в последовательном описании эволюционирующего характера нового типа войны. К нему, без всякого сомнения, относится когнитивная война. Материалом исследования служат теоретические труды и современные контексты немецкоязычного дискурса СМИ, в которых в разной степени представлены содержательные аспекты феномена когнитивной войны.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют: 1) труды по когнитивистике Н. Н. Болдырева, О. К. Ирисхановой, М. И. Киосе, Е. С. Кубряковой [Болдырев, 2008; Ирисханова, 2019; Киосе, 2021; Кубрякова, 2004; Кубрякова, 2008]; 2) труды по философско-гуманитарной проблематике, в том числе, научные сочинения Г. В. Вернадского и А. Г. Дугина [Вернадский, 2014; Дугин, 2022].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Военный дискурс относится к той разновидности институционального дискурса, которая имеет устойчивый лингвистический статус, что

предполагает использование для достижения практических целей конкретных стратегий, в том числе стратегий воздействия. Напомним, что функция любого вида воздействия заключается в том, чтобы деформировать сознание массового реципиента, навязав ему определенное мировоззрение, которое в дальнейшем определит систему ценностных взглядов и ориентиров каждого индивида. Воздействие реализуется через определенный набор семиотических кодов, используемых для влияния на когнитивную систему человека – эмоциональную и рациональную. По нашим наблюдениям, на рубеже XX и XXI веков наблюдается устойчивая тенденция к разработке объединяющего макрокоммуникативного подхода, с помощью которого было бы возможно оказать воздействие на социум через **комбинирование** различных семиотических кодов [Барт, 1994]. Многократное усиление воздействия на органы чувств массового реципиента, становящееся возможным в виртуальной среде, обеспечивает устойчивое существование ключевых слов и понятий в разных типах среды, а также создает культуру *мемов* [Денисова, 2023] – форм подачи информации в виде определенных слов, фраз, клише, рисунков или изображений, видеороликов, тиражируемых в СМИ и актуальных в определенный период времени. Многие ученые также справедливо отмечают расцвет *метафоры* в информационной среде, в частности *когнитивной метафоры*, обеспечивающей успешную интеграцию текстов разной жанровой направленности в разные виды институционального дискурса.

Исследователи отмечают, что «для дальнейшего продвижения гуманитарных технологий сегодня особенно остро стоит вопрос о сближении философии и психологии» [Мигунов, 2011, с. 23], иными словами о сближении общегуманитарного и мировоззренческого знания с инновационными цифровыми технологиями. Их конвергенция влечет за собой тектонический сдвиг в сознании массового реципиента. Такое положение дел стимулирует изучение в контексте когнитивной войны **идеологии**, или в современной трактовке **идеологического компонента, идеологического фактора**.

Идеология в самом широком смысле трактуется как некая система идей, которая поддерживает, прежде всего, государственные (национальные) интересы. Различаются разные виды идеологии, например, выделяют коммунистическую, национальную, религиозную, политическую и другие виды идеологии [Земцов, 2009]. При сопоставлении разных видов идеологии с разновидностями социальных институтов обнаруживается неизбежная корреляция между ними. Это означает, что идеологический

фактор пронизывает все сферы человеческой деятельности и представляет собой систему и структуру взглядов, которые призваны обеспечить устойчивое функционирование социальных институтов в разных типах пространства, включая виртуальное. В современных работах отмечается тенденция к сближению представлений об идеологическом компоненте и **ценностях** [Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов, 2023б; Гусейнова, Горожанов, 2023в].

Таким образом, любое противостояние носит идеологический характер, т. е. оно строится на противопоставлении и / или совмещении различных ценностных систем. В этом смысле основу информационного противостояния, когнитивных войн и т. п. также формируют ценностные системы и ориентации. В ранее проведенных нами исследованиях мы также подчеркиваем, что идеологический компонент присущ преимущественно политическому дискурсу [Будаев, Чудинов, 2019; Моргунова, Морару, 2022; Селиванова, 2022]. Значительное количество научных работ посвящено изучению этой разновидности институционального дискурса: в них анализируются лексемы и устойчивые комплексные знаки, содержащие в себе элементы идеологии. Нередко подобные лексические единицы выступают в качестве шаблонных фраз, призванных структурировать основное содержание той или иной публикации в СМИ. Их рекуррентность оказывает влияние на сознание массового читателя, реформирует его и со временем служит базой для понимания и интерпретации события [Титкова, 2014; Иванов, 2019]. Формы представления идеологического компонента варьируются, приобретая нередко символические черты, что особенно заметно при помещении текстов в «темпоральную матрицу» [Халас, 2021, с. 39], которая придает тексту соответствующую идеологическую окрашенность. Иными словами, один и тот же текст, насыщенный символами разных эпох, при проведении соответствующей лингвистической обработки приобретает заданную идеологическую оформленность.

ТИПОЛОГИЯ ВОЙН В ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩЕМ АСПЕКТЕ

При рассмотрении типологии войн мы опираемся, в частности, на тезисы о культуре, выдвинутые Ю. М. Лотманом, который справедливо отмечает, что «культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта» [Лотман, 2016, с. 10].

Несмотря на то, что понятия «культура» и «война» являются, казалось бы, несовместимыми, следует отметить, что война имеет «свои правила», которые фиксируются в военных стратегиях и тактиках,

а также в стратегемах. Из истории войн нам известно, что правители придерживались двух определенных стратегем: 1) объявление войны и начало похода; 2) вероломное нападение. Очевидно, что военные походы были ориентированы на отдаленные территории, в то время как соседние территории подвергались преимущественно вероломному нападению.

Из общей истории войн нам также известно, что война эволюционировала в соответствии с развитием государства. Можно условно выделить несколько типов войн. Историки говорят о так называемой «войне человека против человека» (ср. *нем.* Kampf Mann gegen Mann), примером которой могут служить войны Тамерлана в XIV веке, а также о «войне пушек» (ср. *нем.* Kanonenkrieg), усматриваемой в наполеоновских войнах XIX века. Великую отечественную войну 1941–1945 гг. (Вторую мировую войну) называли войной *моторов, так как ключевую роль стали играть соответственно самолеты, танки и нефть*. В дискурсе Второй мировой войны отдельно выделяют **войну на уничтожение** (*нем.* Vernichtungskrieg), направленную на истребление целых народов. После известной речи У. Черчилля в Фултоне в 1946 году в употребление вошел термин *холодная война* (*англ.* cold war, *нем.* der Kalte Krieg). В 70-е годы XX века в контексте гонки вооружений получил повсеместное распространение термин «ядерная война» (*нем.* Atomkrieg). Сегодня этот ряд применительно к СВО может быть продолжен триадой *тотальная война – информационная война – когнитивная война*.

Анализ предметно-специальной литературы [Tögel, 2023] и некоторых актуальных текстов немецкоязычных СМИ свидетельствует о том, что в последнее время упомянутые словосочетания употребляются нередко в одних и тех же контекстах. Отмечается использование следующих клишированных выражений: *der totale Krieg – der Informationskrieg – der kognitive (mentale) Krieg*. В триаде мы наблюдаем терминологическое совпадение (см. выше: *тотальная война – информационная война – когнитивная война*), что свидетельствует об устойчивом их использовании в дискурсе СМИ. Приведем следующий пример на немецком языке:

*Von Putin bis AfD: Ist Deutschland dem Informationskrieg Russlands gewachsen? Russland führt einen Informationskrieg gegen uns, sagt Verteidigungsminister Boris Pistorius. Gefälschte Social-Media-Accounts machen Stimmung, echte Accounts verbreiten Kreml-Propaganda. Sind Politik, Medien und Gesellschaft dem gewachsen?*¹

¹URL : <https://www.deutschlandfunk.de/von-putin-bis-afd-ist-deutschland-dem-informationskrieg-russlands-gewachsen-dlf-f6bac57a-100.html>

Переведем данный отрывок на русский язык:

От Путина до АдГ: Готовы ли Германия к информационной войне со стороны России? По словам министра обороны ФРГ Бориса Писториуса, Россия ведет против Германии информационную войну. Боты задают тон в социальных сетях, с аккаунтов реальных пользователей распространяется кремлевская пропаганда. Готовы ли политики, СМИ и общество противостоять этому? (Пер. М. С. Фирстова)¹

Из приведенного выше примера следует, что понятие информационной войны формирует сегодня дискурс СМИ Германии. Полемика реализуется за счет цитирования известных в немецкоязычном социуме военных деятелей, в данном случае министра обороны Германии Б. Писториуса, а также за счет применения вопросительных конструкций, которые вносят необходимую степень напряжения, побуждающего к осмыслению происходящего и стимулирующего дискуссии в экспертном сообществе. Различные точки зрения политической элиты дают толчок к обсуждению затронутой темы в обществе, способствуя тем самым выработке общественного мнения и отношения к конкретным событиям и фактам объективной реальности. Отметим, однако, что практически ритуальным элементом выступает упоминание имени российского президента, а упоминание Кремля используется преимущественно в контексте российской пропаганды и / или информационной войны. Безусловно, такая манипулятивная техника заявительного характера способствует формированию общественного мнения в немецкоязычном социуме, но отсутствие аргументации и доказательств при использовании декларативных высказываний порождает и противоположное мнение, транслируемое в данном случае партией «Альтернатива для Германии».

Особое внимание в немецкоязычном социуме уделяется словосочетанию *kognitive Kriegsführung* (ведение когнитивной войны), которое, по нашему мнению, вошло в широкое употребление благодаря а) научным исследованиям, посвященным феномену современной войны [Tögel, 2023]; б) расширенному синонимическому ряду:

kognitive Kriegsführung – Manipulationstechniken (приемы манипуляции / манипулирования) – Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO (техники манипулирования как разновидность боевого оружия) – *Kriegspropaganda* (военная пропаганда) – *digitale Manipulation* (манипулирование

при помощи цифровых технологий), *kulturelle Manipulation* (манипулирование культурой) – *Zukunftstechnologien* ((манипулятивные) технологии будущего) [там же].

В современном военном дискурсе СМИ Германии по отношению к СВО широко используется также терминология и слова из дискурса Второй мировой войны. Примером служит также выражение У. Черчилля *железный занавес* (англ. *iron curtain*, нем. *der eiserne Vorhang*), которое трактуется как обозначающее «психологический барьер между населением воюющих блоков – барьер, созданный ‘пропагандой ненависти’ с обеих сторон» [Душенко, 2018, с. 192]. Справедливости ради нужно, однако, сказать, что метафора *железный занавес* появилась на тридцать лет раньше, в 1916 году в период морского противостояния Германии и Британии. Итак, налицо употребление слов, имеющих историческую подоплеку. Причем они чаще всего наделены негативными коннотациями. Внедрение этих слов в дискурс западных СМИ располагает исследователей к их анализу. В сложившейся международной обстановке становится необходимым выявление содержания подобных лексем, изучение лингвокогнитивных механизмов, поддерживающих их устойчивое функционирование в различных средах. Иными словами, необходимо систематическое выявление вербальных факторов, которые определяют воздействие западных СМИ на массового реципиента. Следует выяснить, каковы внешние механизмы формирования его взглядов на факты и явления действительности». В последнее время в дискурсе немецкоязычных СМИ мы наблюдаем такую тенденцию, как употребление слова, которое в номинативном аспекте не обладает избыточной коннотацией и вполне может считаться нейтральным, однако при погружении в определенный контекст приобретает дополнительные смыслы, в дальнейшем популяризуемые в СМИ и способствующие формированию общественного мнения. Одним из наиболее иллюстративных примеров служат так называемые антислова года² (*Unwort des Jahres*)

(МЕЖ)ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ТРИАДА «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА – ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА»

Учитывая вышеописанное, мы считаем целесообразным дать характеристику терминам

¹М. С. Фирстов – дипломированный переводчик-синхронист (немецкий язык).

²URL: https://www.tagesschau.de/thema/unwort_des_jahres#:~:text=Jury%20gibt%20Entscheidung%20bekannt%2022Remigration%22%20ist%20Unwort%20des%20Jahres%202023.

«тотальная война» – «информационная война» – «когнитивная война» на основании (меж)цивилизационного подхода.

Продолжая тему типологизации войн, в целях лучшего понимания основ современного военного дискурса мы обратимся к материалам, которые были рассмотрены в ходе дискуссий, охватывающих широкий спектр тем в рамках вестернологии и проблемы идентичности России.

Применение цивилизационного подхода к проблеме когнитивных войн требует обращения к определенным принципиальным положениям. Во-первых, необходимо учитывать тот факт, что при смене эпох в пределах последовательности «премодерн – модерн – постмодерн» происходит разрушение единого сакрального базиса. Во-вторых, философские и культурфилософские взгляды оказали существенное влияние на правила ведения войн, которые существовали длительное время в рамках формулы *справедливой войны*. В-третьих, если в эпоху премодерна велась *традиционная война*, то в эпоху модерна произошел поворот в сторону *тотальной войны*, а в эпоху постмодерна она трансформировалась в *информационную войну*. Именно переход к стадии информационной войны обусловил возникновение *когнитивной войны*.

В нашем исследовании при толковании термина «тотальная война» мы учитываем, прежде всего, экономический аспект войны. Напомним, что войны, независимо от исторического периода их существования, велись с целью овладения физической (географической) территорией, а также с целью получения контроля над природными ресурсами противника. Все перечисленное в совокупности можно соотнести с представлением о *жизненном пространстве* (*Lebensraum*), освоение которого является обязательным условием для сохранения жизни и осуществления человеческой деятельности. Применительно к телекоммуникационной сети Интернет мы наблюдаем похожую стратегию, реализация которой тесно связана с освоением коммуникативно-дискурсивного пространства и насыщением его теми или иными ценностными смыслами.

На наш взгляд, *информационная война* имеет идеологическую подоплеку: она строится на комплексе ключевых слов, а в последнее время и мемов, тиражируемых СМИ и постепенно, но на регулярной основе внедряемых в сознание массового реципиента. На основе ключевых слов в дальнейшем строится ценностное отношение массового реципиента к событиям и фактам объективной реальности. В результате формируется общественное мнение, которое служит консолидации различных социумов в реальной действительности и «цементирует» социокоммуникативные группы,

если говорить о виртуальной среде. На наш взгляд, сводить содержание термина только к информационным кибератакам не очень продуктивно, поскольку сегодня практика информационных войн ими не ограничивается. Мы полагаем целесообразным говорить об информационной войне в широком смысле и далее не сужать смысл данного понятия.

Под *когнитивной войной* в русле (меж)цивилизационного подхода мы понимаем борьбу за освоение различных видов ментальных и культурных пространств с целью их насыщения определенными концепциями и смыслами. При этом речь идет, прежде всего, об оказании воздействия на сознание массового реципиента при помощи различных технологий. Комбинирование этих технологий позволяет влиять на разные целевые аудитории с учетом их социолингвистических параметров и институциональных характеристик. Таким образом, объектом когнитивной войны становятся не только участники *горячей войны*, но и целые национально-культурные и языковые общества. Очевидно, что изменение методов воздействия и расширение его объекта требует пересмотра инструментария и репертуара гуманитарных технологий и стратегий. Многие авторы справедливо обозначают эту методологическую задачу как необходимость «изменения представления о войне в условиях нового уровня развития технологий» [Медушевский, 2023, с. 86]. Далее в цитируемой статье отмечается, что «наряду с пятью известными сферами войны (на земле, в воздухе, на воде, в космосе и киберпространстве), появляется шестая – когнитивная» [там же, с. 86]. А. Н. Медушевский справедливо отмечает циничный смысл когнитивной войны и одновременно подчеркивает, что «в ней очень четко представлены ключевые тренды развития современного глобального социума, проанализированы новые формы и методы соперничества военных блоков, а также сделаны вполне определенные выводы о перспективных технологиях экономического и политического доминирования в будущем» [там же, с. 88]. Попробуем проиллюстрировать вышесказанное на конкретных примерах реализации элементов когнитивной войны.

В нашем исследовании мы намеренно делаем акцент на немецкоязычный контекст и приводим примеры на немецком языке с переводом. Это обусловлено следующими причинами. Мы предполагаем, что Запад исходит из намерения «переписать историю», столкнув Россию с идеологическим противником, преследующим реваншистские цели. На роль такого противника подходит Германия. Кроме того, общеизвестно, что экономика и инфраструктура Германии занимает важное место в ЕС

и НАТО, а в ретроспективном плане ключевое значение имеет долгая история дружественных и недружественных отношений Германии с Россией. В подтверждение вышесказанного приведем следующую цитату: «В настоящее время российско-германские отношения переживают один из сложнейших этапов в своей истории – многоплановое сотрудничество застопорилось, наступило взаимное разочарование. Началом процесса отчуждения, его исходной точкой немецкие и российские эксперты называют различные события в Европе и мире, в отношениях РФ с ФРГ, ЕС, НАТО: например, отказ западных союзников от участия в совместной прощальной церемонии в Берлине по случаю вывода войск держав-победительниц в 1994 г.; участие ФРГ в силовой акции НАТО против суверенной Югославии в 1999 г.; поддержку со стороны США, ФРГ, ЕС и НАТО Евромайдана в Киеве с подключением радикальных националистов; события в Крыму, на Донбассе» [Васильев, 2019, с. 9].

Приведем примеры на немецком языке, демонстрирующие работу над ценностными смыслами с учетом идеологического компонента, обеспечивающего переход к когнитивной войне. В зарубежных медиа наблюдается явная стратегия намеренного представления России в негативном ключе. При использовании материалов на русском языке исходный русскоязычный текст подвергается идеологической обработке, за счет которой реализуются стратегии когнитивной войны – в данном случае через прием акцентирования: на первый взгляд, сохраняется употребление тех же слов, однако в результате синтаксических трансформаций, инверсии, контекстуального употребления ключевого понятия в измененном контексте возникает иное содержание, которое не соответствует тексту на языке оригинала.

Для иллюстрации приведем следующий пример на немецком языке:

Betrachtet man die Ziele, die Wladimir Putin bereits geäußert hat, lässt das den Schluss zu, dass er nach der Ukraine nicht Halt machen würde. Putin will das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997. Er will die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen, Europa erneut in zwei Teile spalten und ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen, in dem eine eigenständige Ukraine keinen Platz mehr hätte¹. – Если рассмотреть цели, о которых высказался Владимир Путин, то допустим следующий вывод, что он не остановится на завоевании Украины. Путин

хочет повернуть колесо истории вспять и все вернуть в 1997 год. Он хочет вернуть НАТО в состояние до его расширения в 1997 году, заново расколоть Европу на две части и создать империю Балтики до Черного моря, в которой нет места независимой Украине (пер. И. А. Гусейнова).

Невозможно догадаться, что речь идет об одном из фрагментов Обращения Президента Российской Федерации от 24.02.2023, в котором представлена данная тема².

В результате интерпретаций и манипулятивных действий над текстом высказывания, фигурирующие в тексте Обращения, в немецкоязычных СМИ отражаются как «das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997; die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen, Europa erneut in zwei Teile spalten; ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen». Таким образом, идеологический «поворот» к когнитивной войне реализуется через комбинирование определенных лингвистических средств – например, посредством одновременного употребления экспрессивной лексики, ср.: *das Rad der Geschichte zurückdrehen, zurückdrängen*, этнокомпонента *russisch / ein russisches Imperium schaffen*, нагнетания атмосферы напряженности *nach der Ukraine nicht Halt machen würde*. Заметим, что вне контекста практически ни одно слово не несет в себе коннотаций, которые возникают при их погружении в политический и военный контекст.

Одновременно, однако, отметим, что немецкий вариант трансляции обращения В. Путина чем-то напоминает следующий сюжет: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой» [Душенко, 2018, с. 189]. Итак, немецкие авторы предприняли даже не попытку интерпретации выступления российского президента, а обратились к историческому тексту, имеющему британское, шире, англосаксонское происхождение, решив, таким образом, проблему идеологического «поворота» к когнитивной войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, цивилизационный разлом, возникший в результате процессов в рамках исторической триады «премодерн – модерн – постмодерн», во

¹URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/ukraine-krieg-bald-zuende-ex-general-glaubt-putin-will-rad-der-geschichte-zur%C3%BCckdrehen/ar-AA16PmZQ>.

²URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

многим определил эволюционирующий характер современных типов войн. Современный военный дискурс носит многомерный характер. Он призван нанести не только экономический и политический урон, но и привести к необратимым последствиям в сознании массового реципиента.

Целесообразно разработать лингвистический инструментарий, способный повысить резистентность социокоммуникативных групп к внешнему информационному воздействию. Предлагается уделять больше внимания деятельности, направленной на освоение коммуникативно-дискурсивного

континуума, формирующегося в разных типах информационной среды, с целью его насыщения ценностными смыслами и ориентациями, присущими российской цивилизации и определяющими мышление представителей российской лингвокультуры. Необходимо продолжить научную работу по оттачиванию понятийного аппарата, связанного со спецификой когнитивной войны, во избежание терминологической амбивалентности и ее последствий, а также для выявления лингвокогнитивных механизмов противостояния деструктивному информационному воздействию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11–29.
2. Иришханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 37. С. 989–994.
3. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний проблема их классификации: Сб. науч. трудов. М.: Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11–24.
6. Вернадский Г. В. Начертания русской истории. М.: Эксмо, 2014.
7. Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152. – EDN HHHOPL.
8. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 297–318.
9. Денисова Г. В. Поликультурная личность в искусстве. М.: БОС, 2023.
10. Мигунов А. С. Искусство и современные гуманитарные технологии // Экспериментальное искусство: Влияние теории на художественное творчество: сб. ст. / под ред. О. Личчиарделло, С. Ломбардо, В. Петрова. М.: ГИИ, 2011. С. 14–38.
11. Земцов И. Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009.
12. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
13. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коммуникативные стратегии формирования имиджа в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции, Минск, 12–13 мая 2023 года. Минск: МГЛУ, 2023б. С. 17–18. EDN MLWPNF.
14. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023в. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2012–2018 годы) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16.
16. Моргунова О. А., Морару Н. Ф. Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 741–754. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754.
17. Селиванова И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 51–63. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
18. Титкова О. И. Явление рекуррентности в корпоративном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 19 (705). С. 166–175.

19. Иванов Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170.
20. Халас Э. Символы и общество: Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
21. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
22. Tögel J. Kognitive Kriegsführung: Neueste Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO. Frankfurt: Westend, 2023.
23. Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка. М.: ИНИОН РАН, 2018.
24. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1. ВТЭ. № 2. М.: ВШЭ, 2023. С. 85–98.
25. Васильев В. И. Введение // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 6–19.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2008). Principy i metody kognitivnyh issledovanij yazyka = Principles and methods of cognitive language research. Principles and methods of cognitive language research (pp. 11–29): collection of scientific works. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin. (In Russ.)
2. Iriskhanova, O. K. (2019). O nekotoryh voprosah kognitivnoj poetiki zhestov = On some issues of cognitive poetics of gestures. Cognitive studies of language, 37, 989–994. (In Russ.)
3. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretacii teksta i izobrazheniya = Secrets of text and image interpretation. Design and oculographic experiment. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
4. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie = Language and knowledge. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
5. Kubryakova, E. S. (2008). O sootnoshenii yazyka i dejstvitel'nosti i svyazi etoj problemy s traktovkoj ponyatiya znaniya = On the correlation of language and reality and the connection of this problem with the interpretation of the concept of knowledge. In Cognitive studies of language (Issue III. Types of knowledge and the problem of their classification, pp. 11–24): collection of scientific papers. Moscow; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. (In Russ.)
6. Vernadsky, G. V. (2014). Nachertaniya russkoj istorii = The outlines of Russian history. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
7. Dugin, A. G. (2022). Eurasianism as a non-Western episteme of the Russian humanities. Vestnik of the RUDN. Series: International Relations, 22(1), 142–152. (In Russ.)
8. Bart, R. (1994). The rhetoric of the image. In Selected works: Semiotics. Poetics (pp. 297–318). Moscow. (In Russ.)
9. Denisova, G. V. (2023). Polikul'turnaya lichnost' v iskusstve = Multicultural personality in art. Moscow: BOS. (In Russ.)
10. Migunov, A. S. (2011). Iskusstvo i sovremennye gumanitarnye tekhnologii = Art and modern humanitarian technologies. In Licciardello, O., Lombardo, S., Petrova, V. (Eds.), Experimental art: The influence of theory on artistic creativity (pp. 14–38). Moscow: SIAS. (In Russ.)
11. Zemtsov, I. G. (2009). Sovetskij yazyk – enciklopediya zhizni = The Soviet language – encyclopedia of life. Moscow: Veche. (In Russ.)
12. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023a). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(3), 67–76. 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
13. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Communicative strategies for image formation in G. Orwell's dystopian novel «1984». In Ot slova k diskursu: vzaimodeistvie form i (ne)predskazuemost' smyslov (pp. 17–18): Proceedings of the international conference. Minsk, 12–13 May, 2023. Minsk: MSLU. EDN MLWPNF. (In Russ.)
14. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 16(6), 911–920. (In Russ.)
15. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2019). Rhetorical Analysis of Political Communication in Contemporary Foreign Linguistics (2010–2018). Siberian Journal of Philology, 4, 187–196. 10.17223/18137083/69/16. (In Russ.)
16. Morgunova, O. A., Moraru, N. F. (2022). Discourses of “Europeanness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context. Vestnik RUDN. International Relations, 22(4), 741–754. 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754. (In Russ.)
17. Selivanova, I. V. (2022). Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20(3), 51–63. 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
18. Titkova, O. I. (2014). The phenomenon of recurrence in corporate discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 19(705), 166–175. (In Russ.)
19. Ivanov, E. E. (2019). Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language. Russian Language Studies, 17(2), 157–170. 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170. (In Russ.)

20. Halas, E. (2021). Simvol i obshchestvo: Interpretativnaya sociologiya = Symbols and society: Interpretive sociology. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)
21. Lotman, Y.M. (2016). Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva = Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII–XIX centuries). St.Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russ.)
22. Tögel, J. (2023). Kognitive Kriegsführung: Neueste Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO. Frankfurt: Westend
23. Dushenko, K. V. (2018). Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka = Red and White: From the History of Political Language. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
24. Medushevsky, A. N. (2023). Kognitivnaya vojna: social'nyj kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya = Cognitive warfare: social control, mind control and a tool of global domination (part 1, n. 2). Moscow: HSE. (In Russ.)
25. Vasiliev, V. I. (2019). Introduction. Current problems of Europe, 4, 6–19. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

Решетников Кирилл Юрьевич

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры германских языков факультета иностранных языков

Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guseynova Innara Alievna

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor at the Department of German Language Lexicology and Stylistics

Faculty for the German Language, Moscow State Linguistic University

Reshetnikov Kirill Yurievich

PhD in Philology

Senior Lecturer at the Department of Germanic Languages

Faculty for Foreign Languages

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.09.2024
18.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication